

**Приоритеты взаимодействия общественных объединений
и государственной власти Российской Федерации в условиях
специальной военной операции**

А. А. Саломатина¹ ✉

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС)
ул. Октябрьская, д.12, г. Орел 302028, Российская Федерация

✉ e-mail: aleksandrasalomatina98@mail.ru

Резюме

Актуальность. В данной статье рассматривается проблема трансформации государственно-гражданского диалога в условиях политической нестабильности. В российской политологии нарастает потребность в осмыслении развития гражданского общества Российской Федерации в период после начала специальной военной операции 2022 года. Представляется необходимым провести политологический анализ приоритетов сотрудничества общественных объединений и государственной власти в сфере обеспечения национальной безопасности и защиты национально-государственных интересов Российской Федерации.

Цель исследования заключается в определении приоритетных направлений сотрудничества государственной власти и общественных объединений в условиях специальной военной операции.

Задачи исследования состоят в систематизации научных представлений о характере взаимоотношений между гражданским обществом и государственной властью в постсоветской России, в анализе эволюции взаимодействия общественных объединений с государством после начала специальной военной операции, в выявлении ключевых приоритетов сотрудничества «третьего сектора» и власти в деле защиты национальной безопасности современной России.

Методология проведенного исследования основана на междисциплинарном теоретическом подходе. Для решения поставленных задач применялись исторический, сравнительный и структурно-функциональный методы.

Комплексный характер методологической основы исследования опирается на научные разработки современного политологического знания в постсоветской России и зарубежной научной мысли.

Результаты исследования заключаются в обосновании модернизации устоявшихся представлений о содержании и приоритетах государственно-гражданского диалога в России XXI столетия. Доказывается, что российское общество в своем большинстве осознает масштаб и направленность вызовов и угроз национальной безопасности страны, ввиду чего в условиях специальной военной операции основным фактором развития и деятельности общественных объединений выступает «гражданская мобилизация» российского социума. Значительная часть общественных организаций классического типа и неструктурированные волонтерские объединения нацелены прежде всего на содействие государству в защите национально-государственных интересов современной России.

Выводы. Патриотический подъем российского общества после начала специальной военной операции способствует формированию новых приоритетов и направлений взаимодействия между «третьим сектором» и органами федеральной и региональной государственной власти. В обозримой перспективе участие общественных объединений в гуманитарной поддержке Вооруженных сил России будет оставаться ключевым вектором их политической социализации.

Ключевые слова: специальная военная операция; гражданское общество; общественные объединения; взаимодействие; государство; «третий сектор».

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Саломатина А. А. Приоритеты взаимодействия общественных объединений и государственной власти Российской Федерации в условиях специальной военной операции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 134–144. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-134-144>

Поступила в редакцию 27.06.2024

Принята к публикации 29.07.2024

Опубликована 30.08.2024

Priorities of interaction between public associations and the government of the Russian Federation in the context of a Special military operation

Alexandra A. Salomatina¹✉

¹Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Central Russian Institute of Management-RANEPA branch)
12 Oktyabrskaya Str., Orel 302028, Russian Federation

✉e-mail: aleksandrasalomatina98@mail.ru

Abstract

Relevance. This article examines the problem of transformation of the state-civil dialogue in conditions of political instability. In Russian political science, there is a growing need to understand the development of civil society in the Russian Federation in the period after the start of the Special Military Operation in 2022. It seems necessary to conduct a political analysis of the priorities of cooperation between public associations and government authorities in the field of ensuring national security and protecting the national and state interests of the Russian Federation.

The purpose of the study is to identify priority areas of cooperation between state authorities and public associations in the context of a special military operation. The objectives of the study are to systematize scientific ideas about the nature of the relationship between civil society and government in post-Soviet Russia, to analyze the evolution of interaction between public associations and the state after the start of a Special military operation, to identify key priorities for cooperation between the "third sector" and the authorities in protecting the national security of modern Russia.

The methodology of the research is based on an interdisciplinary theoretical approach. Historical, comparative, and structural-functional methods were used to solve the tasks set. The complex nature of the methodological basis of the research is based on scientific developments of modern political science knowledge in post-Soviet Russia and foreign scientific thought.

The results of the study are to substantiate the modernization of well-established ideas about the content and priorities of public-civil dialogue in Russia of the 21st century. It is proved that the majority of Russian society is aware of the scale and direction of challenges and threats to the national security of the country. Therefore, in the conditions of a Special military operation, the main factor in the development and activity of public associations is the "civil mobilization" of Russian society. A significant part of classical-type public organizations and unstructured volunteer associations are primarily aimed at assisting the state in protecting the national and state interests of modern Russia.

Conclusions. The patriotic rise of Russian society after the start of a Special military operation contributes to the formation of new priorities and areas of interaction between the "third sector" and federal and regional government authorities. In the foreseeable future, the participation of public associations in humanitarian support of the Russian armed forces will remain a key vector of their political socialization.

Keywords: Special military operation; civil society; public associations; interaction; state; "third sector".

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Salomatina A.A. Priorities of interaction between public associations and the government of the Russian Federation in the context of a Special military operation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2024;14(4):134–144. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-134-144>

Received 27.06.2024

Accepted 29.07.2024

Published 30.08.2024

Введение

В условиях полномасштабных политических трансформаций современной России, отсчет которых связан с началом специальной военной операции 2022–2024 гг., в значительной степени изменились связи и коммуникации между основными субъектами политического процесса. Особенно показательна модернизация функций и структурного состава институтов гражданского общества, объединения и организации которого активно привлекаются для решения проблем государственной политики в условиях СВО. В результате придается новое содержание такой отрасли развития российского «третьего сектора», как взаимодействие между публичной властью и гражданским обществом.

Проблематика эволюции общественных объединений традиционно пребывает в эпицентре усилий исследовательского сообщества постсоветской России. Определение реального содержания деятельности неправительственных организаций в контексте партнерства с властными институтами Российской Федерации отражено в трудах современных политологов: Х. А. Кобелевой [1, с. 32], Д. А. Ленькова [2, с. 2662], Т. В. Растимшиной [3, с. 168], И. В. Рукавишниковой [4, с. 66], А. К. Сковикова [5, с. 38], В. В. Скоробогатова [6, с. 44].

Однако исследование конкретных параметров государственно-гражданского взаимодействия только начинает привлекать внимание научного сообщества, отражаясь в разработках таких авторов, как А. Л. Андреев [7, с. 104], А. Р. Бочкаев [8, с. 41], А. Ю. Пинчук [9, с. 28], Д. Л. Цыбаков, Ж. Ю. Данкова [10, с. 80], И. С. Шушпанова [11, с. 97].

Базовым фундаментом становления российской политической науки в сфере государственно-общественных отношений назовем «экономический детерминизм». Сущность названной методологии, на наш взгляд, заключается в признании за гражданскими инициативами

преимущественно нацеленности на достижение оптимального баланса между интересами бизнес-сообществ, государственной власти и третьего сектора.

Наиболее емко отмеченный подход проявился в работах Ю. В. Ирхина, который выделял в качестве приоритетных задач общественных объединений содействие урегулированию отношений между государством и бизнес-сообществом. Поэтому среди функций «третьего сектора» обозначались такие задачи, как обеспечение становления свободного рынка и всеобъемлющей конкуренции, обеспечение прав граждан как потребителей услуг государственного и муниципального управления, развитие модели менеджизма, взаимодействие с международными неправительственными организациями и «глобальным гражданским обществом» [12, с. 16]. Одновременно с этим в научных подходах обоснована особая роль государственных институтов в формировании отечественной модели гражданского общества [13, с. 55], в развитие чего объективным вектором построения «третьего сектора» признавалось поощрение деятельности некоммерческих организаций социальной направленности, в той или иной степени аффилированных с государственной или муниципальной властью.

Первоочередными проблемами развития отечественной модели государственно-гражданского взаимодействия следует назвать: низкий уровень устойчивости механизмов кооперации и взаимопомощи «третьего сектора»; делегитимация общественных организаций в общественном мнении; неспособность гражданских институтов к постановке и реализации стратегических задач; нивелирование самостоятельных инициатив со стороны постсоветского «политического класса»; внедрение патронажных форм институционализации общественных акторов; отчужденность от общественной активности экономически и социально влиятельных граждан [3, с. 179].

Однако мировой опыт показывает, что в системе социальной действительности изначально содержится необходимый мобилизационный потенциал негосударственного сектора, способный к воспроизводству в обстановке полномасштабной или ограниченной дестабилизации. Например, исследуя «военное измерение» государственно-гражданских отношений, Р. Даль доказывал тождество между формированием политического режима демократии и наличием «вооруженной нации» [14, с. 374].

Наиболее развернуто подобная аргументация прорабатывалась в работах итальянского политолога Р. Маркетти. Следует полагать оправданным акцентирование внимания Р. Маркетти на теме «гражданской мобилизации» [15], исходя из чего поражение в вооруженном конфликте понимается обществом не только как поражение власти или правящей элиты, но и как катастрофа общенационального масштаба. Именно в случае понимания своего потенциала в массовом сознании в социальной практике происходит институционализация новых приоритетов деятельности общественных субъектов в сфере обеспечения национально-государственных интересов. Применительно к ситуации в российском гражданском обществе вступление социума в конфликтный период неизбежно должно было сопровождаться трансформациями в сфере отношений власти и «третьего сектора».

Примерами может быть названо распространение многообразных практик государственно-частного партнерства не только в мирное время, но и в периоды военного времени или системных цивилизационных кризисов. Как показывает проведенный анализ, государственная власть, независимо от преобладания в управленческих практиках авторитарных или же демократических тенденций, заинтересована в максимальной общественной поддержке именно в кризисные периоды. Для политических элит в отмеченной обстановке объективно обоснова-

но обращение к социальной поддержке со стороны широких общественных слоев, именно подобным образом укрепляется легитимность государственных магистратур на фоне актуализации внешних и внутренних вызовов принципиального характера.

Отметим, что в российском экспертном сообществе выделяются существенные проблемы в отношениях между властными институтами и общественными структурами не только в постсоветской России, но и в странах, ранее преподносимых в качестве эталона развитой демократии. Опираясь на данные социологических опросов, исследователи аргументируют нарастающее отчуждение общества от публичной власти в условиях либерально-демократических режимов [11, с. 98], причинами чего называют дистанцирование социальных групп от государственной политики, пессимизм относительно дееспособности правительств, исполнительно-распорядительных и представительских институтов.

Несмотря на проведенные в последние годы исследования в отечественной политологии сохраняются лакуны представлений о приоритетах функционирования общественных объединений в условиях военно-политической нестабильности. Становится очевидным, что распространенные в настоящее время представления о роли отечественного «третьего сектора» в политическом процессе оформились в своем большинстве в период устойчивого развития России и баланса международных отношений, характерных для первых десятилетий XXI столетия. Оценка современного теоретико-политического дискурса показывает, что пересмотр содержания взаимоотношений по линии «общество – государственная власть» выдвигается в перечень актуальных задач российской политической мысли.

В современных реалиях представляется очевидным, что оценка содержания государственно-гражданского диалога

современной России требует обращения внимания на фактор внешнего вызова в состоянии постсоветского политического процесса, наличие которого долгое время не принималось во внимание научным и экспертным сообществами. Одновременно с чем конфронтация между Россией и Западом, развернувшаяся после событий «Русской весны» 2014 г. и начала специальной военной операции, объективно должна иметь последствия не только для непосредственно сферы оборонной политики, но и для всего спектра государственно-гражданских отношений.

Методология

Обращение к методологическому инструментарию политической науки содействует пониманию проблематики развития общественных объединений 2020-х гг. Использование сравнительного метода и контент-анализа позволяет выявить наиболее эффективные субъекты взаимодействия с государством со стороны акторов самодеятельных общественных инициатив. Проведенный при написании статьи сравнительный анализ способствует осмыслению специфики различных сфер и направлений государственно-гражданского диалога накануне специальной военной операции и после ее начала.

Компаративистский анализ способствует определению перспектив мобилизации социальной и гражданской активности граждан России, возможности преодоления проявлений абсентеизма и инфантилизма с их стороны.

Обращение к историческому методу исследования позволило уяснить хронологию вовлечения общественных субъектов в процесс взаимодействия с государственной властью в условиях специальной военной операции. Применение структурно-функционального подхода способствует пониманию общей структуры институтов гражданского общества, принимающих участие во взаимодействии с государством, а также проясняет

объем исполняемых ими функциональных задач.

Результаты и обсуждение

На основе обработки массива эмпирических данных и корпуса научных источников имеет смысл аргументировать, что политическая субъектность гражданского общества может проявляться в способности его объединений генерировать социальный запрос и доносить его до политических элит и государственной системы. С другой стороны, все более усложняющаяся природа современного военно-политического противоборства создает условия для появления совершенно новых приоритетов, которые нацелены на корректировку или модернизацию государственной политики в сфере национальной безопасности.

Однако именно в российских условиях начиная с объявления специальной военной операции в феврале 2022 г. отмечается усиление социально-политической консолидации социальных групп и государства, проявлениями чего называются усиление идеологического и политического лоялизма в общественном мнении, а также консолидация политической власти и социальных агрегаций. Отмеченные тенденции были описаны еще на фоне конфронтации с Западом после событий «Русской весны» 2014 г. Следствием этого стал «крымский консенсус», что проявилось в единении большинства социальных сообществ Российской Федерации по вопросам восстановления исторической справедливости после распада СССР [16, с. 152]. Впервые за многие годы экспертных наблюдений было отмечено, что конфронтация с объединенным Западом ведет к большему сплочению вокруг государственной власти такой категории, как российская молодежь [17, с. 34].

Обоснуем, что оценки и позиции общественных объединений ситуаций 2014 г. и 2022–2024 гг. имеют и определенные отличия. Если в период воссо-

единения с Крымом и Севастополем со стороны «третьего сектора» Российской Федерации преобладающей реакцией был именно лоялизм, т. е. согласие с решениями верховных властных институтов, то после начала наблюдается порядковое возрастание самостоятельных общественных инициатив в сфере обеспечения обороны и безопасности. Подобная ситуация актуализирует поиск новых приоритетов взаимодействия общественных объединений, ассоциаций, фондов и органов государственной власти.

Не вызывает сомнения, что масштаб проблем, сформировавшихся вокруг стратегии обеспечения национальных интересов современной России, потребовал приобщения к их разрешению потенциала отечественного социума [18, с. 85]. В то же время общественный дискурс, сопровождавший политику власти по защите соотечественников Новороссии, имеет определенные исторические параллели, но обладает несомненной современной спецификой [19, с. 15].

После патриотического подъема в период судьбоносных событий «Русской весны» 2014 г. и начала национально-освободительной борьбы народных республик Донбасса в структуре российского гражданского общества оформился оригинальный сегмент. Заслуживает поддержки аргументация А. Б. Шатилова, согласно которой в структуре отечественного «третьего сектора» после начала СВО оформляется модель «страхующего общества», акторы которого выказывают способность восполнять ресурсы и потенциал государства в тех сферах, где отмечаются кризисные дисфункции официальных стратегий [20, с. 10]. Однако есть основания полагать, что первые объединения подобного рода начали проявлять себя намного раньше.

Основной целью деятельности таких субъектов выступало прямое содействие населению и повстанческим формированиям ЛДНР. Наибольшая активность добровольческих сообществ и объедине-

ний отмечалась в период от народных референдумов в мае 2014 г. и последовавшем отражении карательной операции постмайданных киевских властей. После подписания первых и вторых Минских соглашений социальный запрос по теме поддержки соотечественников в Новороссии стал менее выраженным. На протяжении следующих восьми лет общественные инициативы по оказанию помощи национально-освободительному движению на исторических русских землях Юго-Востока Украины реализовывались общественными объединениями в основном независимо от актуальной на то время государственной стратегии.

Непосредственная поддержка соотечественникам на Донбассе в 2015–2022 гг. артикулировалась преимущественно в деятельности Союза Добровольцев Донбасса и общественного движения «Новороссия», различных неструктурированных волонтерских групп и электронных средств массовой информации. За указанный период были установлены горизонтальные связи между социально активными группами Российской Федерации и ЛДНР, сотрудничество которых впоследствии стало основной методологией взаимодействия между гражданскими сообществами и органами государства после начала СВО.

Формирование новых приоритетов взаимоотношений социальных агрегаций современной России и публичной власти оказалось подчинено логике ключевых этапов специальной военной операции периода 2022–2024 гг. Первым из них признаем образование в структуре военной организации государства иррегулярного компонента, который был формализован в виде добровольческих батальонов и отрядов Боевого армейского резерва специального (БАРС) в весенние месяцы 2022 г.

Помимо организующей роли в их создании властей регионов Российской Федерации, такие подразделения и части также получали поддержку со стороны

неправительственных организаций, ассоциаций и фондов. Характерно, что деятельность добровольческих формирований включала в себя признаки функционирования гражданских институтов: частичная выборность командиров, автономная кадровая политика, собственные источники материального снабжения, неупорядоченность контрактных отношений с Вооруженными силами, что было прекращено только к лету 2023 г.

При этом патриотическая помощь государству концентрировалась прежде всего на потребностях его военной организации и естественным образом вышла за границы гуманитарной поддержки, в связи с чем магистральным приоритетом государственно-гражданского взаимодействия стало подключение негосударственного сектора к внедрению инноваций и технологических проектов в боевую деятельность войск. Такая практика со стороны волонтерских групп в короткий по историческим меркам срок позволила сформировать народный сектор оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации.

Новое содержание государственно-гражданское взаимодействие приобрело в результате усугубления прямой военной и террористической угрозы для освобожденных территорий Новороссии и приграничных регионов Российской Федерации осенью 2022 г. Эти события структурировали еще один приоритет работы общественных объединений – гуманитарная поддержка, благотворительность и социальная реабилитация российских граждан. При этом массовая общественная активность стала охватывать в первую очередь локальный и муниципальный уровни. Во многих случаях волонтерские сообщества и гуманитарные группы, как юридически оформленные, так и самодеятельные, показали себя в качестве наиболее дееспособных представителей гражданского общества в российской провинции.

Третий этап формирования современных приоритетов деятельности «третьего сектора» в Российской Федерации связывается с проведением частичной мобилизации в октябре-ноябре 2022 г. На практике оказалась фактически восстановлена модель массовой армии, которая объективно гораздо теснее интегрирована с обществом, нежели культивировавшаяся в постсоветский период версия «профессиональных вооруженных сил». Итогом смены целей государственной политики безопасности стало приобщение к потребностям поддержания боевой готовности войск широких слоев российского общества.

Наблюдается трансформация приоритетов работы общественных объединений в современной России. Во-первых, принципиально эволюционировала сфера компетенции общественных организаций классического типа, т. е. тех объединений, которые создавались для решения широкого спектра проблем социальной действительности. В качестве примера может быть названа деятельность Общероссийского народного фронта, организаций политических партий и профессиональных союзов. Многие из перечисленных объединений стали оказывать прямую материальную и социальную поддержку населению пострадавших от военных действий регионов и армейским частям. Во-вторых, принципиально иной масштаб приобрела деятельность инициативных общественных групп, нацеленных исключительно на обеспечение служебно-боевых задач действующей армии. Тем самым волонтерские группы и сообщества, возникшие специально для решения проблем обеспечения национальной безопасности, фактически дополняют собой государственную военную организацию.

Выводы

Произошедшая за время СВО интеграция государственно-военного и гражданского секторов общественных отно-

шений имела следствием формирование новых приоритетов деятельности общественных организаций в современной России. Помимо традиционных функций общественных объединений, таких как оказание гуманитарной помощи и социальной поддержки согражданам, заявляют о себе новые магистральные направления коммуникации между публичной властью и гражданскими сообществами.

Наиболее очевидными в обозримой перспективе представляются такие опорные компоненты развития новых приоритетов функционирования общественных объединений в России XXI столетия, как народное оборонное производство, внедрение оборонных разработок и технологий, социальная реабилитация воинов и членов их семей, ведение информационной политики, обеспечение международной поддержки со стороны «третьего сектора» зарубежных государств. Локомотивом общественной активности все чаще

становятся сетевые группы, структурированные посредством возможностей интернет-платформы «Телеграмм».

Все вышеизложенное позволяет предположить, что вновь возникшие приоритеты государственно-гражданского взаимодействия оказались способны канализировать общественный патриотический подъем в современной России, преформатировать субъектный состав и систему взаимоотношений в рядах гражданского общества и природу его взаимоотношений с политическими элитами и государством.

Таким образом, события специальной военной операции объективно воспроизводят модернизацию функционирования общественных объединений в России XXI столетия, способствуют формированию актуальных приоритетов и взаимодействия «третьего сектора» и органов государственной власти.

Список литературы

1. Кобелева Х. А. Особенности взаимоотношений государства и гражданского общества в России и Украине в конце XX – начале XXI в // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 319. С. 32–34. EDN LHQNVB
2. Леньков Д. А. Гражданское общество России в контексте мировых трендов развития гражданского общества // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 8(84). С. 2662–2668. <https://doi.org/10.35775/PSI.2022.84.8.012>, EDN EHGTTM
3. Растимешина Т. В., Антонов Ф. С. Становление и развитие институтов гражданского общества и их взаимодействие с государством // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 1(21). С. 168–179. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-1-168-179>, EDN ZCNQTR
4. Рукавишников И. В. Гражданская инициатива как инструмент гражданского общества // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 3(46). С. 66–70. EDN QCSEMAX
5. Сковиков А. К., Леонтьева О. В. Взаимодействие политической элиты и гражданского общества: основные цели, механизмы и принципы // PolitBook. 2020. № 1. С. 38–64. EDN YFUCKI
6. Скоробогатов В. В. Институты гражданского общества: основные теоретические подходы к исследованию в контексте взаимодействия гражданского общества и государства // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 15. С. 44–50. EDN RPWQXV
7. Андреев А. Л., Андреев И. А., Слободенюк Е. Д. Размежевание и консолидация в российском обществе в контексте СВО // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 104–119. <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.08>, EDN VUHIXY

8. Бочкаев А. Р. Молодежные лидеры общественного мнения в период СВО в контексте взаимодействия с молодежью // *Власть*. 2024. Т. 32, № 1. С. 41–48. <https://doi.org/10.31171/vlast.v32i1.9932>, EDN NJANKK
9. Пинчук А. Ю. О социально-политических резервах и императивах специальной военной операции // *Наука. Культура. Общество*. 2023. Т. 29, № 4. С. 28–39. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.3>, EDN HSRZIC
10. Цыбаков Д. Л., Данкова Ж. Ю. Императивы государственно-гражданского взаимодействия в России в период специальной военной операции // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2023. Т. 18, № 5. С. 80–95. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2023-18-5-80-95>, EDN PRSMME
11. Шушпанова И. С. Особенности социально-политической консолидации российского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции: социологический анализ // *Наука. Культура. Общество*. 2022. Т. 28, № 4. С. 97–108. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.8>, EDN KARUHB
12. Ирхин Ю. В. Гражданское общество в современной России: управляемое, направляемое или воздействующее? // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2010. № 1. С. 3–16. EDN NHHNBV
13. Гребенников В. В., Грудцына Л. Ю. Государство, народ и гражданское общество в России // *Новый юридический журнал*. 2015. № 3. С. 46–55. EDN YOSPAN
14. Даль Р. Демократия и ее критики / пер. с англ. под ред. М. В. Ильина. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2003. 576 с.
15. Маркетти Р. Роль гражданского общества в конфликтах: от эскалации до милитаризации // *Валдайские записки*. 2015. № 28. URL: <https://valdaiclub.com/publications/valdaipapers/> (дата обращения: 01.06.2024)
16. Воржецов А. Г. Проблемы консолидации современного российского общества // *Власть*. 2016. Т. 24, № 7. С. 148–152. EDN WHYILH
17. Устинкин С. В., Никитин А. В. Проблема доверия молодежи к общественным и государственным институтам в контексте проведения специальной военной операции (СВО) // *Технологии социально-гуманитарных исследований*. 2023. № 4(4). С. 32–52. EDN CFBXOY
18. Мерзликин Н. В., Иванов А. В. Социальная консолидация в контексте специальной военной операции (экспертная оценка) // *Наука. Культура. Общество*. 2022. Т. 28, № 4. С. 85–96. <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.7>, EDN UAVMUP
19. Черкашин К. В. "Русская весна" в Донбассе: предпосылки, ход и последствия // *Постсоветский материк*. 2021. № 4(32). С. 4–15. https://doi.org/10.48137/2311-6412_2021_4_4, EDN DPKXSR
20. Шатилов А. Б. Гражданское общество в России: третий путь // *Власть*. 2023. Т. 31, № 4. С. 9–14. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9682>, EDN HVARLP

Reference

1. Kobeleva Kh.A. Features of the relationship between the state and civil society in Russia and Ukraine at the end of the XX – beginning of the XXI century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2009;(319):32–34. (In Russ.) EDN LHQNVB
2. Len'kov D.A. Features of the relationship between the state and civil society in Russia and Ukraine at the end of the XX - beginning of the XXI century. *Voprosy politologii = Bulletin of Tomsk State University*. 2022;12(8):2662–2668. (In Russ.) <https://doi.org/10.35775/PSI.2022.84.8.012>, EDN EHGTMM

3. Rastimeshina T.V., Antonov F.S. Formation and development of civil society institutions and their interaction with the State. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya = Economic and socio-humanitarian studies*. 2019;(1):168–179. (In Russ.) <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-1-168-179>, EDN ZCNQTR
4. Rukavishnikova I.V. Civil initiative as a tool of civil society. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. 2014;(3):6–70. (In Russ.) EDN QCEMAX
5. Skovikov A.K., Leont'eva O. . Interaction between the political elite and civil society: main goals, mechanisms and principles. *PolitBook*. 2020;(1):38–64. (In Russ.) EDN YFUCKI
6. Skorobogatov V.V. Civil society institutions: the main theoretical approaches to research in the context of interaction between civil society and the state. *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki = Current issues of modern science*. 2010;(15):44–50. (In Russ.) EDN RPWQXV
7. Andreev A.L., Andreev I.A., Slobodenyuk E.D. Demarcation and consolidation in Russian society in the context of ITS. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political research*. 2024;(1):104–119. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2024.01.08>, EDN VUHIXY
8. Bochkaev A.R. Youth leaders of public opinion in the period of their freedom in the context of interaction with youth. *Vlast' = Power*. 2024;32(1):41–48. (In Russ.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v32i1.9932>, EDN NJAHKK
9. Pinchuk A.Yu. On socio-political reserves and imperatives of a special military operation. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Nauka. Culture. Society*. 2023;29(4):28–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.3>, EDN HSRZIC
10. Tsybakov D.L., Dankova Zh.Yu. Imperatives of state-civil interaction in Russia during a special military operation. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2023;18(5):80–95. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2023-18-5-80-95>, EDN PRSMME
11. Shushpanova I.S. Features of the socio-political consolidation of Russian society and the state in the context of a special military operation: a sociological analysis. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Nauka. Culture. Society*. 2022;28(4):97–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.8>, EDN KARUHB
12. Irkhin Yu.V. Civil society in modern Russia: guided, guided, or impacted? *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya) = Ars Administrandi (The Art of Management)*. 2010;(1):3–16. (In Russ.) EDN NHHHBJ
13. Grebennikov V.V., Grudtsyna L.Yu. The State, the people and civil society in Russia. *Novyi yuridicheskii zhurnal = New Law Journal*. 2015;(3):46–55. (In Russ.) EDN YOSPAN
14. Dal' R. Democracy and its critics. Moscow: Ros. Polit. entsikl. (ROSSPEN); 2003. 576 p. (In Russ.)
15. Marketti R. The role of civil society in conflicts: from escalation to militarization. *Valdaiskie zapiski = Valdai Notes*. 2015;(28). (In Russ.) Available at: <https://valdaiclub.com/publications/valdai-papers/> (accessed 01.06.2024)
16. Vorzhetsov A.G. Problems of consolidation of modern Russian society. *Vlast' = Power*. 2016;24(7):148–152. (In Russ.) EDN WHYILH
17. Ustinkin S.V., Nikitin A.V. The problem of youth's trust in public and state institutions in the context of a special military operation. *Tekhnologii sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy = Technologies of social and humanitarian research*. 2023;(4):32–52. (In Russ.) EDN CFBXOY
18. Merzlikin N.V., Ivanov A.V. Social consolidation in the context of a special military operation (expert assessment). *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Nauka. Culture. Society*. 2022;28(4):85–96. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.7>, EDN UAVMUP

19. Cherkashin K.V. The "Russian Spring" in Donbass: background, course and consequences. *Postsovetskii materik = The post-Soviet continent*. 2021;(4):4–15. (In Russ.) https://doi.org/10.48137/2311-6412_2021_4_4, EDN DPKXSR

20. Shatilov A.B. Civil society in Russia: the Third Way. *Vlast' = Power*. 2023;31(4):9–14. (In Russ.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9682>, EDN HVARLP

Информация об авторе / Information about the Author

Саломатина Александра Александровна, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС), г. Орел, Российская Федерация,
e-mail: aleksandrasalomatina98@mail.ru,
ORCID: 0009-0008-7285-5143

Alexandra A. Salomatina, Post-Graduate Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА), Orel, Russian Federation,
e-mail: aleksandrasalomatina98@mail.ru,
ORCID: 0009-0008-7285-5143